

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Челябинский государственный университет»

Историко-филологический факультет

**ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ
ЮЖНОГО УРАЛА**

Выпуск 7

Научный ежегодник

Челябинск
Издательство Челябинского государственного университета
2023

УДК 94(082)
ББК ТЗ
Г945

Издание осуществлено по решению
Ученого совета историко-филологического факультета
Челябинского государственного университета

Редакционная коллегия:

Нохрин Иван Михайлович, кандидат исторических наук, доцент;
Баканов Сергей Алексеевич, доктор исторических наук, доцент,
заведующий кафедрой истории России и зарубежных стран;
Белоусова Елена Германовна, доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой русского языка и литературы;
Гришина Наталья Владимировна, кандидат исторических наук, доцент,
декан историко-филологического факультета;
Зорин Василий Анатольевич, кандидат политических наук, доцент,
заведующий кафедрой политических наук и международных отношений;
Селютин Андрей Анатольевич, кандидат филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой теоретического и прикладного языкознания;
Скворцов Артем Михайлович, кандидат исторических наук, доцент;
Попов Алексей Алексеевич, кандидат исторических наук

Г945 **Гуманитарные исследования молодых ученых Южного Урала** [Электронный ресурс] :
науч. ежегод. : электрон. сетевое изд. (1 файл 6,94 Мб). Вып. 7. Челябинск : Изд-во Челяб. гос.
ун-та, 2023. 197 с. Систем. требования: PC не ниже класса Pentium I; 32 Mb RAM; свободное
место на HDD 16 Mb; Windows не ниже XP; Adobe Acrobat Reader; мышь.

ISSN 2658-5103

В 2023 г. историко-филологический факультет Челябинского государственного университета в седьмой раз провел ежегодную конференцию «Гуманитарные исследования молодых учёных Южного Урала». Данный выпуск содержит статьи, подготовленные участниками конференции на основе их выступлений. Статьи представляют результаты научных исследований студентов, аспирантов и молодых ученых в области социально-гуманитарных наук: истории, филологии, международных отношений, политических наук, лингвистики и педагогики.

УДК 94(082)
ББК ТЗя43 + Ш.я43

Издание размещено в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и доступно по
ссылке: http://histfil.ru/images/docs/gumanitarnie_7.pdf

ISSN 2658-5103

© Челябинский государственный
университет, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Исследования Античности и Средних веков

Низамова Э. Р.

Запах как код сельского и городского сообществ древних Афин (по комедиям Аристофана) 7

Павлов К. В.

Сочинение Франческо Гвиччардини «Как обеспечить государство дому Медичи»: нетипичный образец панегирического направления флорентийской ренессансной политической мысли 11

Черкасов А. И.

Восстание герников в 306 г. до н. э. 17

Дореволюционная история России

Александрова В. Д.

Кадровый ресурс академических экспедиций в Российской империи второй половины XVIII в. 21

Каркач М. В.

Алкоголизация солдат как фактор разложения армии на Северо-Западном фронте в 1914 году 26

Социально-экономическая история XX века

Захарова И. С.

Детские учреждения Челябинского металлургического завода в 1943–1965 годах 30

Иванцова Е. Д.

Семья и советская гендерная политика в СССР 1950–1960-х годов через призму репертуарного фильма 33

Просеков В. А.

Советские диссиденты и их «хождение во власть» (1985 — начало 2000-х гг.): социальный портрет и опыт государственно-управленческой деятельности 37

Историческая память и символическая политика

Гайсина А. Н.

Образ Первой мировой войны в экранизациях романа Э. М. Ремарка «На Западном фронте без перемен» (1930, 1979 и 2022 гг.) 41

Кламм В. А.

Федеральный закон «О днях воинской славы и памятных датах России» и его трансформация во второй половине 1990-х — начале 2020-х гг. 44

Мисаченко-Азметов Д. А.

Древнейшая история Рима в интерпретации Андреа Карандини 48

Николаенко А. И.

Присвоение Новосибирску звания «Город трудовой доблести» как форма исторической памяти и символической политики 51

Фельценгер А. С.

Проблема виновности немцев в немецком политическом сознании: на примере лидеров поколений 55

Мировая и российская политика

Бессолицын А. В.

Изменение вектора военного сотрудничества России и Белоруссии в условиях санкционного давления (февраль 2022 г. — настоящее время) 59

**Сочинение Франческо Гвиччардини
«Как обеспечить государство дому Медичи»:
нетипичный образец панегирического направления
флорентийской ренессансной политической мысли**

Павлов К. В.

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Институт истории, Санкт-Петербург*

Рассмотрено панегирическое сочинение флорентийского историка, политика и мыслителя XVI в. Франческо Гвиччардини «Как обеспечить государство дому Медичи». При анализе панегирической литературной формы кратко разобрана эволюция таковой: от древнегреческих истоков к эпохе Возрождения. С целью обозначения принадлежности сочинения Гвиччардини к панегирической традиции ренессансной Флоренции изучены образцы заложения подобной традиции — работы Леонардо Бруни и Маттео Пальмиери. В результате исследования сделан вывод о свойствах панегирика за авторством Гвиччардини, делающих его принципиально нетипичным для флорентийской ренессансной традиции данного направления.

Ключевые слова: *Франческо Гвиччардини, Медичи, панегирик, Флоренция, Маттео Пальмиери, Леонардо Бруни.*

Говоря о панегирике как общей творческой форме выражения восторга, благодарности и(или) похвалы, необходимо отметить, что панегирическая традиция в общем виде своими корнями восходит к ораторскому искусству Древней Греции. При этом сам греческий термин «*panegyrikos*» («хвалебное слово») нередко употреблялся в контексте чувственного синонима понятия «*logos*» («разумное слово») о рациональном знании [8, р. 1]. Согласно мнению американского исследователя античной панегирической литературы Р. Майнорса, подобное сочетание чувственного и рационального «*panegyrikos*» — «*logos*» было свойственно греческим ораторам в их восприятии торжественных событий или явлений [Op. cit.]. Майнорс в этом контексте отмечает родственное соотношение понятий «*panegyrikos*» и «*panegyris*» («праздник») [Ibid.]. По версии учёного, именно к традиционному греческому празднику — олимпийскому фестивалю 380 г. до н.э. — был приурочен первый известный нам образец панегирического направления: одноимённый ораторий Исократа. Однако сам Исократ, известный сторонник гегемонии Афин в греческом мире, окрасил свою речь на Олимпийском фестивале коннотацией политического противостояния Афин и Спарты [Ibid.].

Вместе с тем, как указывает Майнорс, в греческой литературе и риторике для собственно политической хвалы существовала отдельная форма — хвалебные речи и поэмы — как неотъемлемый элемент традиции «демонстративного рода» — «*genus demonstrativum*» [Ibid., р. 2]. При

этом в текстах греческих «*genus demonstrativum*» эллинистической и ранней римской эпохи понятие «*panegyrikos*» упоминается практически исключительно применительно к сочинению Исократа «Эвагор» (*Evagoras*) — речи типа «*genus demonstrativum*». Именно от этого определения панегирика, как полагает Майнорс, распространилась его интерпретация в римской литературе как специфической формы хвальбы [Ibid.]. Вместе с тем римляне парадоксальным образом отказались от самого термина «панегирик»: речи и тексты панегирического направления в подобной его интерпретации назывались ими «божественные хвалы» («*laudes*»), «хвалебные молебны» («*laudationes*») и (или) «акты благодарения» («*gratiarum actio*») [Ibid., р. 3]. Последнее именование нашло употребление также и в политической практике. Так, приготовление речи по типу «*gratiarum actio*» стало составным элементом вступления в должность сенатора или консула. Именно в подобной речи — одном из наиболее ранних известных нам римских панегириков, «Панегирике Плиния, провозглашающем Траяна» (*Panegyricus Plinii dictus Traiano*), составленным Плинием Младшим в честь третьего избрания в консульство императора Траяна и датируемым 100 г. н. э., — можно увидеть употребление оригинального термина в заглавии сочинения [Ibid.]. При этом отметим, что корпус римских текстов, известных как «Латинские панегирики» (*Panegyrici Latini*), начинающийся с текста «*Panegyricus Plinii dictus Traiano*», насколько нам известно, не встретил редакций западноевропейских интеллектуалов классического Средневековья.

Тем не менее, как указывает исследователь панегирической литературы Средневековья и эпохи Возрождения П. Гвинн, одним из наиболее распространённых приёмов «растворения» понятия «*panegyricus*» в литературной культуре классического Средневековья являлось составление хвалебных сочинений по типу классических образцов античной литературы, не канувших в безвестность в интеллектуальной традиции Европы [6, p. 49]. Подобными образцами для средневековых авторов Гвинн называет «Энеиду» Вергилия, а также поэзию Ювенала и Статия [Ibid.]. Однако, по справедливому замечанию исследователя, эта литературная традиция не мыслилась самими её авторами как панегирическая: их задачей было переосмысление уже существовавших исторических легенд, а не создание новых вокруг известной действительности [Ibid., p. 49, 50]. В каком-то смысле и термин «*panegyrikos*», и литературная форма, ему соответствующая, были «воскрешены» в XV в. «импульсом» Возрождения. Так, в 1433 г. итальянский гуманист Джованни Ауриспа обнаружил в Майнце рукопись, содержащую «Панегирик» Плиния и одиннадцать других речей того же жанра, хронологический разброс которых — примерно 289–390 гг. н. э. [8, p. 3, 4]. В первоизданном виде рукопись не уцелела, но сохранившиеся её копии воспроизвели коллекцию, которую и принято ныне называть как «*Panegyrici Latini*», послужившую хрестоматийным «портретом» данного направления политической мысли для последующих ренессансных авторов. Тематика текстов корпуса «*Panegyrici Latini*» весьма вариативна: от хвалы императорам по восшествии к императору до предписания об облегчении сбора налогов в городах римской Галлии [Ibid., p. 4, 5]. При этом только для четырёх текстов корпуса конца III в. из двенадцати характерно заглавие «*panegyricus*». Ни один из этих текстов, однако, не был посвящён празднику или торжеству [Ibid.]. Тогда как «праздничные» тексты в данном корпусе озаглавлены различным образом и по-другому. Так, неизвестный галльский оратор конца III в.¹

¹ Существует гипотеза, согласно которой автором двух данных текстов корпуса мог быть галльский ритор и оратор рубежа III–IV вв. Мамертин, предок хорошо известного в истории Клавдия Мамертина, римского консула второй половины IV в. и, что характерно, — автора панегирика на собственное консульство, также входящего в корпус «*Panegyrici Latini*». Однако, не будучи уверен в данной гипотезе, помечая возможное авторство «раннего Мамерти-

оставил две речи на дни рождения Рима и императора Максимиана, назвав их «предельной» (*finitus*) и «гороскопической» (*genethliacus*) соответственно [Ibid., p. 5]. Таким образом, уже к рубежу III–IV вв. условность определения «панегирик» в античной литературе была такова, что предполагала возможность трактовать под ним даже астрологические сочинения. В связи с этим ренессансные авторы при «воскрешении» панегирика в XV в. получили весьма вариативные о нём представления.

Обратим внимание, что в общественной мысли Флоренции, города — «сердца» ренессансной культуры, панегирика оказалась тесно взаимосвязана не только и не столько с идеологической конъюнктурой, сколько с историческим сознанием гуманистов. Выделим в этом отношении два сочинения, с нашей точки зрения, содержащих в себе базу флорентийского панегирического направления. Это флорентийские истории: «О взятии Пизы» (*De captivitate Pisarum liber*) Маттео Пальмиери (интервал создания — 1429–1448 гг.) [10] и «История Флоренции» (*Istoria Fiorentina*)² Леонардо Бруни Аретино (первые шесть из двенадцати книг которой были закончены к 1429 г.) [9]. Оба сочинения, по справедливому замечанию исследователя флорентийской ренессансной литературы Р. Палермино, воспроизводят видение истории «...на службе флорентийскому обществу» [11, p. 95]. При этом если сочинение Пальмиери посвящено конкретному историческому событию — взятию Флоренцией Пизы в 1406 г. — и фиксирует перед читателем представление автора о точке отсчёта «центризма» Флоренции в его историческом сознании [10, p. 44–78], то работа Бруни охватывает практически всю известную его современникам историю Тосканы [9, p. 3–610]. Объектом панегирики и в том, и в другом случае для гуманистов выступает собственно город Флоренция. Вместе с тем Бруни всё же склонен обособить если не конкретные персоналии, то, по меньшей мере, «на» в случае с данными панегириками, Р. Майнорс в переводах их латинских заглавий ставит при имени Мамертина знак вопроса [Ibid., p. 5].

² Оригинальный латинский заголовок сочинения Бруни — «История флорентийского народа» (*Historiarum Florentini populi*). Другой известный в историографической традиции заголовок «История Флоренции» — «детское» первого издателя и переводчика сочинения Бруни на вульгату, флорентийского гуманиста Донато Аччайуоли. (См.: *Leonardo Aretini Historiarum Florentini Populi // Istoria Fiorentina di Leonardo Aretino / a cura di G. Mancini, P. Leoni, F. Tonetti. Firenze, 1855. 564 p.*)

отдельные флорентийские семьи в своём ведении истории «от имени народа Флоренции» [Or. cit., p. 341–348, 391–394, 471–491]. Во всяком случае, по справедливому замечанию исследователя фигуры Бруни Г. Ёанцити, флорентийский гуманист в определённой степени «выводит на историческую арену» дом Медичи в его понимании истории «от имени народа Флоренции» [7, p. 2–5]. Однако важным обстоятельством, не позволяющим считать «Историю Флоренции» Бруни идеологической пропагандой в угоду Медичи, по мнению Ёанцити, парадоксальным образом является именно тот факт, что история гуманиста как бы «подводит» логику общественно-политического развития Флоренции к установлению господства Медичи [Ibid., p. 11–17]. События флорентийской истории интерпретируются им таким образом, будто Флоренция, как некий «политический организм», естественным образом избрала Медичи к установлению над городом правления на началах «разумной целостности» (*prudencia integritas*) [Ibid., p. 21]. Соответственно, флорентийский «политический организм», а не персоналии в нём, является предметом исторической, а не идеологической панегирики Бруни. Характерно, что Пальмиери в контексте взятия Флоренцией Пизы обращается к праву «общественного дела свободы» (*reipublice libertate*) как обоснованию флорентийского возвышения в Тоскане [10, p. 48]. Однако в работе этого флорентийского гуманиста, по предположению Палермино, инспирированной сочинением Бруни [11, p. 101], сделан следующий шаг в эволюции панегирического мифа истории «от имени народа Флоренции». Этому историческому сознанию приданы стилистические образцы классической античной историографии: прежде всего повествовательная модель «от Саллюстия» [Ibid., p. 100], логически объединённая им с «...манерой, более напоминающей средневекового хрониста» [Ibid., p. 109]. Кроме того, именно Пальмиери, по сути, логически завершает противопоставление Флоренции Пизе, начатое всё тем же Бруни метафорой Рима (в роли которого им представлена Флоренция) [9, p. 3, 112, 113] и Карфагена (соответственно «в лице» Пизы) [Ibid.]. У Пальмиери же пизанцы сравниваются с готами: тем самым флорентийское «общественное дело свободы» во взятии Пизы приобретает характер образа действия римского правопреемника [10, p. 73]. Панегирически конструируя апологию исторической исключительности Флоренции на примере отдельно взятого военного триумфа, Маттео

Пальмиери, что характерно, интерпретирует флорентийское общественно-политическое устройство в прямо противоположном Бруни ключе. В его понимании, идущем от схемы «от Саллюстия» [11, p. 100], именно персоналии определяли судьбу Флоренции. Сила же республики заключалась в множественности этих персоналий. Поэтому не только персоналии дома Медичи, но и дома Каппони [10, p. 61], и дома Альбицци [Ibid.], и множества других влиятельных флорентийских домов в равной степени воздействовали на историческую судьбу Флоренции в её видении Пальмиери. В этом отношении «О взятии Пизы» содержит в себе пример одной из традиционных форм античной панегирики — «*gratiarum actio*» — растворённой, однако, в контексте отдельно взятого эпизода флорентийской истории.

Несколько иначе воспринята предметная роль дома Медичи в современной автору Флоренции в панегирическом сочинении Франческо Гвиччардини «Как обеспечить государство дому Медичи» (*Del modo di assicurare lo Stato alla Casa dei Medici*) (1516 г.) [4]. Отметим, что это сочинение Гвиччардини также известно как «Пятое рассуждение» (*Discorso quinto*). Под данным названием оно было издано в XIX в. в десятитомном собрании сочинений Гвиччардини среди работ, объединённых издателями по тематическому принципу в «свод» под названием «Рассуждения, относящиеся к изменениям и преобразованиям флорентийского правительства» (*Discorsi intorno alle mutazioni e riforme del governo Fiorentino*)¹. Каково самостоятельное значение панегирического сочинения флорентинца?

Для ответа на данный вопрос необходимо иметь в виду глобально-исторический контекст политической практики Гвиччардини — участие его государства в Итальянских войнах 1494–1559 гг., военно-дипломатическом конфликте европейских держав-гегемонов (Франции, Империи Габсбургов и Испании), обосновывавшемся стремлением каждой из них закрепить исключительное влияние над территорией Апеннин [1]. При этом города-государства самой Италии в условиях затяжных войн оказались во многом в положении принятия политической воли доминирующего на том или ином их этапе внешнего гегемона [Там же, с. 448–466].

¹ Francesco Guicciardini. *Discorsi intorno alle mutazioni e riforme del Governo Fiorentino // Opere inedite di Francesco Guicciardini* : in 10 vol. Vol. 2. Firenze, 1858. P. 235–384.

Для Флоренции, в условиях перманентных пертурбаций внутриполитической системы государства, обусловленных дихотомией смены практик «governo largo» — «governo stretto» — «широкого» и «узкого» правительств, важнейшим фактором являлось поддержание баланса в военной дипломатии. С момента возвращения к власти во Флоренцию Медичи (1512 г.), ранее изгнанных из неё в 1494 г., осуществлённого если не при активной поддержке, то с молчаливого одобрения Испании, в дипломатическом курсе республики на определённый период возобладала происпанская линия [2, с. 456]. В связи с этим отметим, что панегирическое сочинение Гвиччардини «Как обеспечить государство дому Медичи» было написано им вскоре после провала на дипломатической службе в исполнении посольской миссии 1512–1513 гг. от Флорентийской республики ко двору испанского короля Фердинанда Католика [Там же, с. 462–463]. Сочинение флорентинца содержит в себе своего рода «персональное обращение» к Джованни Медичи, на момент его составления уже ставшему римским понтификом Львом X, и к Лоренцо ди Пьеро Медичи, исполнявшему интересы своего дяди в тосканском государстве. Мотив обращения Гвиччардини — не пренебрегать республиканской формой устройства для Флоренции и сохранять в ней сильную власть наподобие лучших лет правления Козимо Медичи [3, р. 20]. Из данного сочинения флорентинца очевидно его отношение именно к Джованни, получившему сан понтифика, как к человеку, способному стать для Италии и Флоренции новым Козимо¹. Более того, Франческо противопоставляет Лоренцо и Джулиано Медичи их возвысившемуся родственнику и в отношении к семейному делу — управлению Флоренцией².

¹ «...E fu opinione che essendo loro per questo Pontificato usciti di necessità e di sospetti; le cose nostre avessino a posare bene: li inimici, a assicurarsi e vivere in ragionevole condizione; li amici, a gittarsi a favore dello Stato con vivacità e caldezza...» / «...По общему мнению, этот понтификат вывел всех из состояния нужды или подозрительности и поставил наши дела в выгодное положение. Те, кто были настроены враждебно, получили уверенность в том, что смогут жить разумно. Те, кто были сторонниками, с жаром бросились на службу государству...» [4, р. 325]. Здесь и далее: фрагменты текста сочинения Гвиччардини и их перевод, выполненный автором статьи, приводятся в сносках.

² «...I quali per avere uno Pontefice sì giovane, hanno posta la mira del crescere sì alto, che il Governo di questa città pare loro piccola cosa, e si vede lo tengono

Самому же флорентинцу его родная республика представляется основным «капиталом» для управляющих ей молодых представителей медичейского дома: характеризуя полученные Джулиано и Лоренцо при понтификате Джованни территории Пармы, Пьяченцы, Реджо и Модены (для первого) и Урбино (для второго), Гвиччардини называет их не более чем «приращениями» к уже имеющейся в их управлении Флоренции³. В рассуждениях Гвиччардини можно усмотреть следование им за воскресшим при понтификате Джованни Медичи мифом о Флоренции как «имперском» центре будущего «нового Рима», являвшемся извечной мечтой тосканских интеллектуалов ренессансной эпохи [5, р. 109]. Однако, как бы предупреждая возможность обвинения со стороны республиканских «радикалов» Флоренции, он вновь упоминает, что основой флорентийского политического самосознания всегда являлась республиканская традиция, в том числе в том виде, в каком в 1498–1512 гг. существовала Флорентийская республика под управлением оппонента дома Медичи гонфалоньера Пьеро Содерини⁴. В отношении же

tra' minori capitali che gli abbino» / «Ведь имея такого молодого понтифика, они так высоко замахнулись на власть, что управление этим городом кажется им самим пустяком. Видно, что для них это один из самых незначительных капиталов, которыми они владеют» [4, р. 327].

³ «Questo è adunque il vero fondamento, e il più saldo che possono farsi; senza questo ogni altra cosa che faranno rovinerà loro col tempo, cioè colla prima avversità, sotto; e .tenere questo, farà giuoco grande a tenere tutti li altri. E quando non tenessino se non questi, non saranno mai chiamati se non grandi, disponendo di uno Stato di questa qualità, e massime da chi si ricorderà, che benchè gli abbino uno papa, e non sono però signori naturali, anzi cittadini, e discesi di padri che vissono, benchè fussino grandi, sempre civilmente e privatamente» / «Это владение предлагает им прочную основу, на которой они могут утвердиться. Без него всё, что бы они ни делали, со временем или при первой же встрече с трудностями погубит их. Сохранение этого государства было бы надёжным шагом к сохранению всех остальных мест. Ведь если они откажутся от всего остального, но сохраняют это, их всё равно будут считать могущественными за то, что они имеют государство такого качества, особенно те, кто вспомнят, как они получили всё от папы, и поэтому не являются естественными правителями, а скорее гражданами и потомками отцов, которые были могущественными, но всегда жили как частные лица» [4, р. 328].

⁴ «...Quello Stato popolare dal 94 sino al 12, fu qualche volta vicino a limarsi e pigliare forma di una bella republica e libertà, e massime ne' principii del magistrato di Piero Soderini; dipoi si andò tuttavia allargando e

возможности установления во Флоренции при новых Медичи абсолютистского режима «имперского» типа, ставящего крест на республике, Гвиччардини высказывает весьма туманные и витиеватые размышления¹. В этом контексте характерно обозначение им сохранения де-юре республики во Флоренции как «условной тени свободы и гражданственности» [4, р. 342]. Данное обозначение ставит под сомнение неочевидность для него как практика флорентийской политики необходимости подстраиваться под её новые, отнюдь не соответствовавшие республиканским «канонам» реалии. Подобное отношение *deformando e pigliando abito di qualità, da perdere la speranza che si potessi reformare; e in ultimo peggiorava tanto alla giornata, che in effetto diventava senza alcuno dubbio uno guazzo e una confusione; e nondimeno era uno zucchero a petto a quello che diventerebbe, se si facessi nuova mutazione...*» / «Народное правительство, правившее с 94-го по 12-й год, временами было близко к тому, чтобы стать действительно свободной республикой, особенно при принципах и правлении Пьеро Содерини. Однако, когда республика продолжила расширяться и видоизменяться, эти расширения и видоизменения стали следовать без всякой надежды на реформы. В конце концов она ухудшалась с каждым днём, превращаясь в состояние беспорядочной путаницы. Тем не менее это было сладко, как сахар, по сравнению с тем, что могло бы произойти, если бы случилась ещё одна смена правительства» [4, р. 334].

¹ «Non voglio omettere di dire, che non è mancato e non manca chi ha avuto opinione e ha e forse ha fatto opera di persuaderlo, che sarebbe più sicurtà di costoro pigliare assolutamente il dominio della città in fatti e in titolo, che tenere il Governo sotto questa ombra di civiltà e di libertà: cosa che io non intendo disputare ora...» / «Я не хочу упускать из виду, что не было недостатка в тех, кто думали или, возможно, были убеждены, что для них было бы более безопасно утвердить абсолютное господство над городом фактически и по названию, чем держать этот город под условной тенью свободы и гражданственности. Это не то, что я намерен обсуждать сейчас...» [4, р. 342].

ние Гвиччардини к политике современной ему вновь медичейской Флоренции, как и управление этой политикой Львом X, можно назвать априорным его компромиссом с собственной совестью, на что он прямо намекает в своём сочинении².

Аналогичным компромиссом для получивших Флоренцию незаконным путём переворота «новых» Медичи стала политика по отношению к ней формального сохранения республиканской формы устройства для временного поддержания военно-дипломатического нейтралитета. Для самого Гвиччардини следствием составления панегирика дому Медичи стало получение в 1516 г., вопреки дипломатической неудаче на испанской миссии, должности генерал-губернатора папской Модены [3, р. 21].

Таким образом, панегирик Франческо Гвиччардини «Как обеспечить государство дому Медичи» «флорентийски нетипичен» дважды: не только вследствие идеологического переосмысления влияния современных Гвиччардини персоналий дома Медичи на флорентийскую историю, но и в связи со «словом» автором посредством данного панегирика его «органического» обращения: от «имени народа Флоренции» к превалированию личных интересов.

² «...Nessuno è a Firenze che ami tanto la libertà e il reggimento popolare, che, se gli è dato in uno altro vivere più parte e' migliore essere che non pensa di avere in quello, non vi si vólti con tutto lo animo; e tanto più che e sarebbero chiari e toccherebbono con mano, che quando si mutassi lo Stato, non solo perderebbono la grandezza, ma etiam porterebbono pericolo di una ruina grande» / «Во Флоренции нет никого, кто любил бы свободу и народное правительство настолько, чтобы, получив более высокий уровень жизни, не думать о том, что имеет, и не отдавать всего себя, особенно если на них повлияют изменения в государстве. Они не просто потеряли бы свои преимущества, но даже рисковали бы полностью разориться» [4, р. 334].

Библиография

1. Катушкина, Л. Г. Итальянские войны / Л. Г. Катушкина // История Италии : в 3 т. Т. 1 / под ред. С. Д. Сказкина. — М., 1970. — С. 426–466.
2. Павлов, К. В. Дипломатический дебют Франческо Гвиччардини на службе Флоренции: миссия к Фердинанду Католику (1512–1513) / К. В. Павлов // Материалы XLII всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных «Курбатовские чтения» / отв. ред. А. Ю. Проккопьев. — СПб., 2023. — С. 453–464.
3. Celli, C. Guicciardini: The Limits of Self-interest / C. Celli // The Defeat of a Renaissance Intellectual: Selected Writings of Francesco Guicciardini / Ed. by C. Celli. — Philadelphia, 2019. — P. 10–43.
4. Francesco Guicciardini. Discorso Quinto. Del modo di riformare il Governo, per meglio assicurare lo Stato alla Casa dei Medici, la quale era rappresentata da papa Leone X, da Lorenzo e dal cardinal Giulio [Del modo di assicurare lo Stato alla Casa dei Medici] // Opere inedite di Francesco Guicciardini : in 10 vol. Vol. 2. — Firenze, 1858. — P. 325–343.

5. Gilbert, F. Machiavelli and Guicciardini: Politics and History in Sixteenth-Century Florence / F. Gilbert. — Princeton, 1965. — 358 p.
6. Gwynne, P. Poets and Princes. The Panegyric Poetry of Johannes Michael Nagonius / P. Gwynne. — Turnhout, 2012. — 576 p.
7. Ianziti, G. Leonardo Bruni, the Medici, and the Florentine histories / G. Ianziti // Journal of the History of Ideas. — 2008. — Vol. 69, № 1. — P. 1–22.
8. In Praise of Later Roman Emperors. The Panegyrici Latini / Introduction, Translation, and Historical commentary with the Latin text of R.A.B.Mynors / R. A. B. Mynors. — Berkeley, 1994. — 735 p.
9. Istorìa Fiorentina di Leonardo Aretino / Istorìa Fiorentina di Leonardo Aretino / a cura di C. Monzani. — Firenze, 1861. — 676 p.
10. Matthei Palmerii De captivitate Pìsarum liber / Rerum Italicarum Scriptorum. Nuova edizione. Tomo XIX — P. II. — Città di Castello, 1904. — 111 p.
11. Palermino, R. Determinism in humanist historiography: Facio, Palmieri and Platina. PhD dissertation / R. Palermino. — Edinburgh, 1980. — 264 p.

Электронное сетевое издание

**ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ
ЮЖНОГО УРАЛА**

Выпуск 7

Научный ежегодник

Выходит 1 раз в год

Корректурa и вёрстка *М. В. Трифионовой*

Подписано к использованию: 26.10.23.

Выход в свет 02.11.23.

Формат 60×84 1/8.

Гарнитура «Times New Roman».

Уч.-изд. л. 19,3. Заказ 495.

Издатель:

Челябинский государственный университет
454001, Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129

Подготовлено в издательстве Челябинского государственного университета
454021, Челябинск, ул. Молодогвардейцев, 576